

Н.П. Кондаков и М.И. Ростовцев: главные линии влияния учителя на ученика

В.И. Кащеев (Саратовский ГУ)

1. По известному и справедливому утверждению С. Жебелева, «всё современное поколение русских археологов может считаться прошедшим „Кондаковскую школу“». Но эту школу прошли также многие историки античности и филологи классики. Поучительна в этом отношении научная судьба Ростовцева. Проследить основные линии влияния Кондакова и его школы на становление и развитие Ростовцева как ученого представляет несомненный интерес.

2. Пребывание Кондакова в Петербурге – самое яркое и плодотворное время его деятельности. Здесь он читал лекции в Петербургском университете и на Высших женских курсах, впервые стал преподавать историю искусства; в Эрмитаже организовал Отделение Средних веков и эпохи Возрождения, работал в Археологической комиссии, плодотворной была его деятельность в Петербургской Академии наук и Академии художеств, которая обязана ему принятием Устава (в 1894 г.); он основал Иконописный комитет и начал научно изучать произведения древнерусского изобразительного искусства; он трудился в Русском археологическом обществе, Обществе любителей древней письменности и Православном Палестинском обществе. Свидетелями этой многообразной и плодотворной деятельности были его ученики, для которых он всегда служил образцом ученого.

3. *Лекционные курсы в Петербургском университете.* Влияние Кондакова на Ростовцева и тех, кто только косвенно мог причислять себя к его ученикам, происходило в разное время и в разных формах. Некоторые из них, как Ростовцев, слушали его курсы по археологии, истории искусства, в том числе и классического искусства, в Петербургском университете.

4. *Кружок при Музее древностей Петербургского университета.* Под руководством Кондакова возник кружок; его старшими членами были А. Щукарев, Д. Айналов и Е. Редин, а в группу более молодых участников, помимо ростовцева, входили Я. Смирнов и С. Жебелев, к которым примыкали Б. Тураев, Г. Церетели и позднее – Б. Фармаковский. По признанию Ростовцева, он воспринял «энтузиазм к древности» Кондакова, «его любовь к памятникам, его метод к строгому и точному знанию» скорее не прямо от своего учителя, но благодаря устроенному им кружку. Здесь всегда ощущалось не только влияние Кондакова, но и незримое присутствие Ф.Ф. Соколова, с которым Ростовцев никогда лично не взаимодействовал. Членов кружка называли «фактопоклонниками», но Ростовцев ни себя, ни Кондакова, ни даже Соколова таковыми не считал. Тем не менее, от участников кружка и от их учителей он научился понимать, что факты следует читать прежде всего; необходимо «строго и точно, по источникам, после любовного их изучения, устанавливать факты». Я. Смирнов, по признанию некоторых членов кружка, был ближайшим и наиболее ярким из учеников Кондакова. С одной стороны, благодаря ему Ростовцев пришел к убеждению, что изучение истории древности невозможно без археологии, с другой – как ученик Ф. Ф. Зелинского, он осознавал всю важность классической филологии для своих исследований, при этом себя он считал историком древности (следует добавить, что иногда он говорит о себе и как об археологе).

5. *Встречи во время заграничных поездок.* По окончании университета в годы заграничной командировки Ростовцев постоянно встречался с участниками кружка: в Греции, Турции, Италии, Англии, Испании. В этих поездках Кондаков занимался сбором материалов для

своих исследований и, казалось бы, никого ничему не учил. Но наблюдая за Кондаковым и Я. Смирновым, Ростовцев учился важному умению в науке – «смотреть и видеть».

6. *По возвращении молодого ученого в Россию влияние на него учителя не прекратилось.* Дом Кондакова, по отзыву Ростовцева, был своего рода «Свободной Академией». «Незабываемые журфиксы» в квартире на Литейном по субботам, а затем по воскресениям вспоминал и С. Жебелев. Их посещали едва ли не все русские ученые, имевшие отношение к археологии, гуманитарному и естественно-историческому знанию.

7. *Личные встречи с Кондаковым.* Он был «интересен и поучителен» в общении с каждым из его учеников, когда на летние месяцы приезжал из Ялты в Петербург. По утверждению Ростовцева, Кондаков никогда «не давал ответов или прямых указаний», но просто рассказывал о своих работах, и это было в высшей степени поучительно.

8. *Влияние научных трудов Кондакова.* Это влияние на Ростовцева как исследователя древних цивилизаций разнообразно и мощно. Кондаков последовательно проводил идею о том, что «смешивание собственных (местных) и чужих форм способно привести к созданию чего-то нового» в культуре и искусстве. Этой идеей эвристически дорожил Ростовцев, развивая ее на примере Боспора и Скифии. Метод, который был применен для изучения древнерусских эмалей, оказался полезен Ростовцеву для исследования римских тессер.

9. Через всю свою жизнь Ростовцев пронес те добрые чувства, которые испытывал как член кружка Музея древностей и как участник научных споров в «Свободной Академии». Он понимал, что должен был учить других тому, что считал самым необходимым и важным, действуя при этом не столько поучением, сколько личным примером, как это делал его учитель – Н.П. Кондаков.